

ЗООПАРК 1988

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПАВЕЛ СМОЛИН

Павел Смолин

Зоопарк 1988

«Автор»

2026

Смолин П.

Зоопарк 1988 / П. Смолин — «Автор», 2026

Я руководил зоопарком, пока не попал под колёса. Теперь на календаре май 1988-го, мне снова тридцать шесть, а в моём кабинете орёт попугай. Матом. С выражением. Очевидно, требует совещания. В новом хозяйстве слониха Марта сама решает, кому положен душ. Жираф Гриша коллекционирует чужие шляпы. Шимпанзе Федя обижен на весь мир: ему больше не дают курить. А огромному медведю Потапу для счастья, возможно, нужно всего лишь красное ведро. Я знаю, как сделать их жизнь лучше. Только зверям ещё предстоит объяснить, что новый директор пришёл с добрыми намерениями. И если однажды слониха сама протянет мне хобот, медведь перестанет мерить шагами бетон, а слабенький верблюжонок встанет на ноги — значит, вторую жизнь мне выдали не зря. Главное — не научить попугая ничему новому.

© Смолин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Павел Смолин

Зоопарк 1988

Глава 1

За полчаса до смерти я согласовал покупку трёх дорожных щёток для слониhi.

— Алексей Михайлович, — сказала бухгалтер, — вы только посмотрите, что мне принесли.

Я посмотрел.

В заявке значились щётки полипропиленовые, усиленные, для коммунальной техники. Три штуки. Ниже стояла подпись заведующей отделом хоботных.

— Хорошие щётки, — сказал я.

— У нас нет такой машины.

— Зато у нас есть слон.

Бухгалтер сняла очки.

За двенадцать лет работы в зоопарке она научилась принимать многое. Покупку холодильника для сверчков. Оплату перевозки тридцати килограммов навоза из другого города. Пластиковые бочки, которые медведи уничтожали с такой скоростью, словно получали за это премию.

Но щётки для коммунальной техники её почему-то задели.

— Ей чесаться, — пояснил я. — Закрепят на столбах. Сейчас она трётся о край ворот, портит кожу и ворота. Пусть лучше портит щётки.

— Так бы сразу и написали.

— «Для чесания слона»?

— «Для оборудования вольера». Вы же директор.

Я исправил формулировку, подписал заявку и пошёл смотреть, что строители сделали с водостоком у нового павильона.

Они сделали его в сторону посетителей.

Работал я директором одного из крупнейших зоопарков страны. До этого восемь лет руководил парком развлечений, откуда вынес два полезных знания: людей всегда приезжает больше, чем предусмотрено туалетов, а слова подрядчика «тут буквально на час» могут означать что угодно, вплоть до смены геологической эпохи.

К пятидесяти восьми годам я умел читать сметы, ругаться без повышения голоса и отличать довольного носорога от носорога, к которому лучше не подходить.

Последнее умение за пределами работы применялось редко.

В тот день шёл мелкий тёплый дождь. На дорожке перед павильоном мальчик лет пяти стоял в жёлтом дождевике и старательно подпрыгивал в луже. Его отец держал над ними обоими зонт, который никого не спасал.

— Пап, а выдры тоже мокнут?

Я замедлил шаг.

Отец задумался. Было видно, что до выдр его день складывался сравнительно просто.

— Только снаружи, — подсказал я.

Мальчик посмотрел на меня с уважением.

Вот за это я и любил свою работу. За возможность время от времени сказать человеку что-нибудь действительно важное.

Строителям я объяснил, куда должна уходить вода. Потом мне позвонила дочь. У внука выпал первый молочный зуб, и по этому поводу в семье обсуждался размер вознаграждения.

— Дед, а сто рублей — это мало? — спросил он.

— Смотря за что.

— За зуб.

— За один нормально. Оптом дешевле.

Дочь велела мне не учить ребёнка коммерции, а ребёнок потребовал уточнить слово «оптом».

Мы договорились созвониться вечером.

До парковки оставалось перейти служебный проезд.

Я помню белый фургон, слишком быстро вывернувший из-за живой изгороди. Помню, как водитель повернул ко мне лицо. Очень молодое и совершенно растерянное.

Удара почти не помню.

Только мокрый асфальт перед глазами и нелепую досаду: телефон упал в лужу, а я ещё не договорил с внуком.

Потом не стало ни дождя, ни боли.

* * *

Пахло бумагой, нагретой мебелью и яблоком.

Я открыл глаза.

Перед лицом лежала раскрытая папка. Левая щека прилипла к листу, на котором фиолетовыми буквами было отпечатано: «Справка о выполнении плана».

Какое-то время я смотрел на эти слова.

Потом осторожно выпрямился.

Подо мной скрипнуло кресло.

Кабинет был чужой. Высокий потолок, две широкие створки окна, тюль, пожелтевшая по краям. Шкаф с папками. Графин на подносе. Телефон из чёрной пластмассы с диском, в отверстия которого надо было засовывать палец.

Над шкафом висел Ленин.

Я посмотрел на него, потом на телефон, потом на собственные руки.

На правой не было старого шрама. Кожа на костяшках разгладилась. Обручального кольца тоже не было, но оно у меня отсутствовало и до фургона.

Я поднял руку к лицу.

Подбородок оказался другим.

Вот тогда мне стало страшно.

Не так, чтобы кричать или бежать. Просто внутри вдруг образовалась пустота, и я несколько раз вдохнул, прежде чем в лёгкие начало попадать достаточно воздуха.

Фургон.

Дождь.

Я лежал на асфальте.

А теперь сидел в чужом кабинете и трогал чужое лицо.

На краю стола стоял перекидной календарь.

19 мая 1988 года.

Я закрыл глаза.

И почти сразу понял, кому принадлежит кабинет.

Алексей Михайлович Воронцов. Тридцать шесть лет. Директор городского зоопарка. Назначен двадцать три дня назад. До этого — работа в управлении культуры, экономическое образование, развод, однокомнатная квартира в доме с гастрономом на первом этаже.

Сведения появлялись без голоса и картинок, но с неприятной уверенностью, с какой вспоминаешь собственный адрес.

Я знал, в каком ящике лежат ключи. Знал, что у секретаря больное колено. Знал, что вчера обещал кому-то подписать ведомость.

И при этом отлично помнил дочь, внука и белый фургон.

Меня звали Алексей Михайлович.

Этого человека — тоже.

Совпадение было настолько мелким на фоне остального, что почему-то особенно злило.

Кто он? Куда делся? Почему я?

Воронцов утром пришёл на работу с головной болью. Выпил таблетку. Попросил полчаса его не беспокоить.

Дальше в его памяти ничего не было.

Я опустил взгляд на молодые руки.

Если это смерть, то устроена она как-то очень по-хозяйственному. Даже должность менять не пришлось.

А дочь?

Вечером она будет звонить мне. Потом ещё раз. Потом ей позвонят сами.

Я сжал край стола.

— ЧЁ ДРЯХНЕШЬ, ГНИДА?!

Я дёрнулся так, что коленом ударил снизу по столешнице.

Графин подпрыгнул.

За моим правым плечом, на толстой жерди у окна, сидел большой сине-жёлтый ара.

Он наклонил голову и посмотрел на меня круглым светлым глазом.

— Работаем! — сообщил попугай.

Несколько секунд мы молчали.

— Это ты? — спросил я наконец.

Попугай поднял лапу к клюву. В лапе был кусок яблока.

Ответ он счёл излишним.

Я отвернулся, выдохнул и растёр колено.

Болело убедительно.

В дверь постучали.

— Алексей Михайлович, вы проснулись?

Женщина лет сорока пяти вошла с папкой под мышкой. Серое платье, собранные волосы, внимательные глаза. Перед самым порогом она чуть придержала дверь, чтобы та не ударила о стену.

Анна Сергеевна.

Имя пришло само.

Она посмотрела на меня, затем на графин.

— Опять Кеша?

— Он всегда так?

— Только когда вы спите.

Попугай аккуратно откусил яблоко.

— Или когда ему кажется, — добавила Анна Сергеевна.

Я оглядел жердь, ветвистую корягу, большую клетку с открытой дверцей. Под всем этим лежали газеты. На шкафу рядом обнаружилось несколько погрызенных папок.

— А почему он здесь?

Секретарь помедлила.

— Вы же сами распорядились пока оставить.

— Напомните.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Из экспозиции убрали. После жалобы.

— Одной?

— Письменной — одной.

Я снова повернулся к птице.

Кеша чистил клюв о жердь с видом сотрудника, которому нечего скрывать.

— Вера составила докладную, — продолжила Анна Сергеевна. — Птица испорчена хулиганствующими элементами.

Я потёр лицо.

— Долго портили?

— Судя по результату, не первый год.

— Понятно.

— Чай вам сделать? Вы бледный.

Чай был хорошей мыслью. Чай принадлежал к вещам, устройство которых пока не вызывало вопросов.

— Сделайте. И окно чуть прикройте. Его не продувает?

— Нет. Тут только верхняя створка открыта.

Я кивнул.

На стол легла папка.

— Это на подпись. Лидия Павловна просила до обеда. Виктор Семёнович с утра на базе, будет позже. Аркадий Моисеевич у верблюдов. А Вера Лебедева уже второй раз приходит.

— Что у неё?

— Со слонихой что-то. И со школой.

— Одновременно?

— Сами знаете — беда не приходит одна.

Из приёмной донёсся телефонный звонок.

Анна Сергеевна даже не повернула головы.

Кеша перестал жевать.

Звонок оборвался.

— Не покупайтесь, — сказала секретарь. — Он трубку ждёт.

— Зачем?

— Ему нравится.

Попугай поглядел на неё и чужим, удивительно похожим на её собственный голосом произнёс:

— Алексей Михайлович занят.

— Вот! — Анна Сергеевна с удовольствием указала пальцем на клетку и вышла.

Я остался сидеть.

За окном шумели деревья. Где-то далеко загудел мотор, слышались детские голоса.

У меня было чужое тело, чужая жизнь и несколько десятков вопросов, на которые никто в этом кабинете ответить не мог.

Зато со слонихой я хотя бы мог разобраться.

Я взял чистый лист.

Сверху написал: «Сегодня».

Ручка оказалась непривычно тонкой.

Потом посмотрел на дату и убрал лист в ящик.

Об остальном — позже. Не потому, что оно стало менее важным. Просто сейчас я не выдержал бы ещё десяти минут наедине с этой мыслью.

— Работаем, — тихо сказал я.

Кеша одобрительно хрустнул яблоком.

* * *

Вера Лебедева вошла, когда я пил чай — Анна Сергеевна не пустила сразу к слону.

В чужой памяти Вера значилась как человек неудобный.

Вживую оказалась молодой женщиной в выпцветшей зелёной куртке, с короткими тёмными волосами и карандашом, воткнутым за ухо. На манжете белела засохшая известь.

— Алексей Михайлович, надо прекращать работы.

Я поставил стакан в подстаканнике на стол.

— Какие?

По её лицу было видно, что подобного вопроса она ждала.

— За слоновником. Компрессор. Я вчера говорила Виктору Семёновичу, сегодня мастеру. Марта второй день не выходит.

— Ест?

Вера на секунду задержала взгляд на моём лице.

— Ест.

— Ночью ложилась?

— Фёдор Петрович говорит, да.

— Когда запустили компрессор?

— Вчера утром.

— До этого выходила?

— Да. Но дело не только в ней. Там у нас тропу перекопали, люди идут через хозяйственный двор. Я просила ограждение переставить, мастер сказал, у него наряд на ремонт, а не на посетителей.

Я допил чай.

— А школа?

— Сорок два человека из района. Начальные классы. Они на автобусе приехали, им через час обратно. Учительница говорит, дети полгода собирались посмотреть слона.

— Остальных зверей посмотрели?

— Посмотрели. Им нужен слон.

Это было понятно. Я работал в зоопарке достаточно долго, чтобы знать: ребёнок может с удовольствием увидеть двести животных и потом всю дорогу домой грустить о двести первом.

Я отставил пустой стакан и поднялся.

Вера не сдвинулась с места.

— Вы куда?

— К слону.

Она убрала за ухо выбившуюся прядь и нащупала карандаш.

— Сейчас?

— А у нас назначено на другое время?

— Нет.

— Тогда идём.

Пиджак висел на спинке соседнего стула. Я надел его и обнаружил в кармане мятый автобусный билет, носовой платок и ключи.

На стене возле двери было небольшое зеркало.

В нём стоял незнакомый мужчина с моим выражением лица.

Темноволосый, худощавый, с прямым носом и складкой между бровями. Молодой. До неприличия молодой.

Я поправил воротник и отвернулся, пока Вера не успела ничего заметить.

В приёмной Анна Сергеевна подняла глаза.

— Надолго?

— Начнём со слоновника.

Она вынула из ящика блокнот и протянула мне.

— Возьмите. В прошлый раз вы на обороте заявления записывали.

Я поблагодарил.

Уже в коридоре за спиной раздалось:
— Цифры где?!

Вера скосила глаза на дверь кабинета.
— Осваивается, — сказала она.

* * *

На улице стоял май.

Тот самый, который потом почему-то всю жизнь кажется лучше нынешнего.

Над дорожками смыкались молодые листья. Пахло влажной землёй, сиренью и чем-то жареным со стороны буфета. По асфальту прошла женщина в белом халате с двумя эмалированными вёдрами. Из одного торчали морковные хвосты.

На дальней аллее отец в светлой рубашке нёс на плечах девочку. Девочка держалась за его уши и задавала вопросы с такой скоростью, что отвечать на все не было никакой возможности.

— А крокодилы спят? А стоя? А почему? А ты умеешь?

Отец остановился у указателя.

Указатель обещал ему направо обезьянник, налево хищников, а прямо — ничего. Стрелка с третьей дощечки отвалилась, оставив два ржавых шурупа.

Я машинально занёс это в блокнот.

Вера заметила.

— На ремонт подавали.

— Давно?

— Осенью.

Дорожка была чисто подметена. Урны — целые, с новой зелёной краской поверх старой. У клумбы на корточках сидела пожилая работница и рыхлила землю узкой железной лопаткой.

Место не было заброшенным.

Его просто очень долго чинили по кусочку, когда удавалось достать доску, краску или свободного человека.

На лавочке у пруда мальчик в матроске ел булочку. Рядом бабушка держала бумажный пакет и с тревогой наблюдала за лебедем.

Лебедь наблюдал за булочкой.

У обоих были серьёзные намерения.

Я поймал себя на том, что начинаю различать привычное. Где собирается очередь. Где маме с коляской придётся съехать с дорожки. На какой скамейке к полудню будет невозможно сидеть из-за солнца.

От этого становилось легче.

У медвежьего вольера пришлось остановиться.

Большой бурый самец шёл вдоль решётки.

Разворот у стены.

Семь шагов обратно.

Снова разворот.

На бетоне темнела вытертая дуга.

— Потап, — сказала Вера.

Я посмотрел на пустую чашу бассейна, металлическую дверь берлоги и обрубок бревна в дальнем углу.

Медведь дошёл до стены. Качнул головой. Повернулся.

— Давно так ходит?

— Давно.

— Вода?

— Бассейн течёт. Если наполнить, за ночь уйдёт.

Я сделал ещё одну запись.

Из-за спины донеслось:

— Мишка зарядку делает.

Мать объясняла мальчику, почему зверь всё время ходит туда-сюда.

Вера посмотрела на меня. Я ничего не сказал.

На первой прогулке нельзя было исправить весь зоопарк. Даже если очень хотелось.

Мы пошли дальше.

У поворота уже слышался компрессор.

Он стоял за кирпичной стеной слоновника и работал так, будто пытался продавить в земле ещё один подвал. Гул отдавал в подошвы. За временным ограждением двое рабочих разбивали старую отмостку.

Между ограждением и кустами оставили проход, в который взрослый человек помещался боком.

Навстречу нам вышла женщина с коляской. Передние колёса попали в рыхлую землю. Она потянула ручку, коляска накренилась.

Я подхватил её за раму.

Вера придержала ограждение.

Внутри коляски проснулся ребёнок, посмотрел на меня с тяжёлым неодобрением и снова закрыл глаза.

— Спасибо, — сказала женщина. — А к слону как пройти?

— Сейчас покажем.

За поворотом обнаружилась школа.

Дети сидели на бордюре, стояли у барьера, заглядывали в тёмный проём слоновника. Две учительницы пытались одновременно пересчитать всех и отговорить троих от знакомства с местными муравьями.

На сухом бетоне наружного выгула лежала ветка.

Слона не было.

— Вот, — тихо сказала Вера.

Высокая учительница заметила нас и сразу подошла.

— Скажите, пожалуйста, она сегодня выйдет?

Я посмотрел на проём.

В глубине мелькнул край серого уха.

— Попробуем разобраться.

— Просто мы издалека. Нам сказали, здесь слон.

В её голосе не было претензии. Только усталость человека, который привёз сорок два чужих ребёнка за сто километров и теперь чувствует себя виноватым перед каждым.

— Здесь слон, — подтвердил я. — Очень настоящий.

За моей спиной мальчик с торчащими ушами спросил:

— А он нас видит?

Я повернулся.

— Скорее всего.

— А чего не идёт?

— Давай узнаем.

* * *

Старший служитель слоновника оказался невысоким сухим мужчиной с крупными кистями рук.

Он вышел из служебной двери, вытирая ладони ветошью. На нас с Верой посмотрел хмуро.

Фёдор Петрович. Шестьдесят три года. С Мартой больше двадцати лет.

— Не больная она, — сказал он сразу.

— Я и не говорю, что больная.
— Аркадий Моисеевич был. Всё посмотрел.
Я кивнул.
— Покажете?
Он помедлил, затем открыл дверь.
Внутри было тепло. Пахло сеном, зверем и влажным бетоном.
Марта стояла в глубине помещения. Огромная, с сухими светлыми складками на коже, маленькими глазами и порванным краем одного уха. Когда мы вошли, она повернула голову.
Я остановился за ограждением служебного прохода.
Хобот потянулся в нашу сторону и замер.
— Здравствуйте, Марта, — сказал я.
Слониха выдохнула.
Фёдор Петрович оглянулся на меня.
— Она вас помнит.
Судя по тону, это могло быть как хорошей, так и плохой новостью.
Я посмотрел на пол у выхода. На положение ног. На уши.
Когда компрессор за стеной сменил тон, Марта чуть подалась назад.
— Утром, до рабочих, к двери подходила? — спросил я.
— Подходила.
— А вышла?
— Постояла. Потом этот затарахтел.
Фёдор Петрович ткнул большим пальцем в стену.
— Я мастеру говорил. Он мне: она у вас большая, чего ей бояться?
— Большим тоже можно.
Служитель впервые посмотрел на меня без прежней настороженности.
Совсем немного. Но посмотрел.
— Когда ремонт закончить обещают?
— В пятницу.
— Сегодня четверг, — сказала Вера.
— В прошлую пятницу, — уточнил Фёдор Петрович.
Я достал блокнот.
— Ничего в её расписании пока не меняем. Наружу не тянем. Сначала уберём шум, посмотрим, что будет.
— Я её и не тяну, — буркнул служитель.
— Правильно делаете.
Это ему понравилось ещё меньше. Он явно приготовился спорить, а я мешал.
Мы вернулись к рабочим.
Мастер стоял возле компрессора с папиросой. Увидев меня, он убрал её от лица, но выбрасывать не стал.
— Начальник?
— Директор. Заглушите, пожалуйста.
— У нас работа.
— Вижу. На полчаса.
Он посмотрел на часы.
— У нас и так простой был с утра. Шланг меняли.
— Сейчас будет ещё один. После этого обсудим, как вам закончить и не запирайте слона внутри на весь день.
Мастер перевёл взгляд на Веру.
— Опять она?

— Сейчас я.

Он затянулся, подумал и махнул рабочему.

Компрессор закашлялся, дрогнул и смолк.

Тишина оказалась такой полной, что стало слышно, как за кустами спорят дети.

— У него хобот длиннее тебя.

— А я лягу!

— Всё равно длиннее.

Мастер бросил окурок в жестянку.

— Мы отмоству вскрываем. Труба под ней, течёт. Потом сами скажете, чего мокро.

— Трубу надо менять, — согласился я. — Сколько шумной работы осталось?

Он прищурился.

— Если не отвлекать — часа четыре.

— Одним компрессором?

— А чем ещё?

— Его можно от стены отнести?

Мастер посмотрел на машину, на бухту шланга, на меня.

— Можно. Метров на пятнадцать. Только возиться.

— Повозитесь. И проход сейчас расширьте. Коляска не проходит.

— У меня люди бетон ломают.

Я не стал объяснять, насколько важны для меня коляски. Просто взялся за край деревянного щита.

— Куда ставим, чтобы никто в вашу траншею не упал?

Мастер молча посмотрел на мои руки.

Потом выругался себе под нос и позвал второго рабочего.

Через несколько минут ограждение переставили. Траншея осталась закрыта, а на дорожке смогли бы разойтись две женщины с колясками, даже если бы обе спешили.

— До половины первого не включаем, — сказал я. — Потом согласуете с Фёдором Петровичем. На завтра шумную часть отдельно распланируем. Не обещаю, что вам понравится, но закончить дадим.

— Мне бы бумагу, что вы остановили.

— Будет.

Он сразу успокоился.

Это тоже было знакомо. Очень многим людям для счастья требовалось, чтобы простой перестал быть их личной виной.

У ограждения показалась седая голова Фёдора Петровича.

— Идёт, — сказал он.

* * *

Мы вернулись к зрительскому барьеру.

Сначала в дверном проёме появился хобот.

Он вытянулся наружу, медленно качнулся и коснулся косяка.

Мальчик с большими ушами схватил соседа за плечо.

— Тихо! Идёт!

Слово побежало вдоль барьера.

Марта стояла в дверях, огромная и неожиданно светлая под майским солнцем. Пошевелила ушами. Потянула воздух хоботом.

Потом сделала шаг.

У детей одновременно открылись рты.

Ни одна фотография не готовит человека к первому живому слону.

На фотографии он просто помещается в прямоугольник. А здесь вдруг оказывается, что у него голова величиной с домашний стол, колени какие-то совершенно отдельные и нога опускается на землю мягче, чем твой отец ставит в прихожей сумку.

Марта вышла целиком.

Постояла.

Подцепила хоботом ветку и потащила к себе.

— Настоящий, — тихо сказала девочка у самого барьера.

Вера присела рядом с ней.

— Настоящая. Её зовут Марта.

— А сколько ей лет?

— Около сорока.

Девочка задумалась.

— Как маме.

— Не надо это маме говорить, — посоветовал стоявший рядом мальчик.

Учительница закрыла рот ладонью.

Марта тем временем сунула в рот конец ветки. Сухо хрустнуло.

— Зубы у неё большие? — спросил кто-то.

Вера поднялась.

— Большие. Но пальцами мы их проверять не будем. Вообще ничего не протягиваем через ограду, даже если очень хочется угостить. Всё, что ей нужно, у Марты есть.

— А булку?

— И булку не надо.

В первых рядах разочарованно зашуршал пакет.

Я отошёл к служебному проходу.

Фёдор Петрович наблюдал за слонихой. Под нижней губой у него пряталась улыбка, которую он, видимо, не собирался никому показывать.

— Сразу вышла, — сказал он.

— Когда машину отнесут, всё равно следите. Может, расстояния не хватит.

Он кивнул.

— Вы с ними насовсем договоритесь. А то завтра опять.

— Договоримся.

Марта повернулась к знакомому голосу.

Фёдор Петрович взял короткий шланг, висевший на крюке, и открыл воду. Струя ударила в бетон.

Слониха подошла ближе.

— Обливать будете? — спросил я.

— Любит она. Когда тепло.

Я посмотрел на шланг, на низкий напор, на заплатку возле соединения.

Ещё одна запись в блокноте.

Фёдор Петрович поднял струю. Вода потекла по серой коже тёмными полосами.

За барьером кто-то восторженно пискнул.

Марта подставила бок.

Потом другой.

Глаза у неё стали сонные, почти блаженные.

Служитель что-то негромко ей говорил. Слов я не разобрал. Да и не для меня они предназначались.

Постояв под струёй, Марта опустила хобот к воде.

Я сделал полшага в сторону, освобождая Фёдору Петровичу место.

— Вы бы подальше... — начал он.

Марта подняла хобот, направила на меня...

Я успел только закрыть глаза.

Вода попала в лицо, за воротник и почему-то в левый ботинок.

На секунду всё замерло.

Потом за барьером грянул такой смех, что несколько голубей разом сорвались с крыши.

Я открыл глаза.

С кончика носа капало.

Фёдор Петрович смотрел на меня с ужасом человека, чья подопечная только что облила начальство из ведра.

— Она это...

— Заметил.

— Обычно чужих.

Я посмотрел на Марту.

Она уже отвернулась и ковыряла хоботом ветку. Ничего особенного, по её мнению, не произошло.

— Значит, будем знакомиться.

Фёдор Петрович кашлянул в кулак.

За барьером мальчик с большими ушами согнулся от хохота и теперь пытался объяснить соседу произошедшее, хотя сосед видел всё сам.

— Прямо на него! Она прямо на него!

— Я видел!

— На пиджак!

Я снял пиджак.

Из нагрудного кармана вылилась вода.

Дети захохотали снова.

— А он не будет её ругать? — спросила та самая маленькая девочка.

Вера посмотрела на меня.

Я отжал полу пиджака.

— За что? Жарко же.

Девочка подумала и кивнула.

Такое объяснение её устроило.

Высокая учительница подошла к барьеру.

— Спасибо вам.

— Фёдору Петровичу спасибо. И Марте.

— Мы думали, уже не увидим.

Она оглянулась на детей.

Они теперь рассматривали всё. Хобот, ноги, уши, воду, ветку. Вопросы сыпались один за другим, и Вера отвечала на них, не успевая закончить предыдущий.

Я посмотрел на часы.

У школы оставалось ещё двадцать минут.

Очень приличный запас времени, если тебе восемь лет и перед тобой слон.

* * *

Назад я шёл без пиджака.

Рубашка постепенно сохла. В левом ботинке хлюпало.

Вера осталась со школьниками, а Фёдор Петрович проводил меня до калитки.

— Завтра компрессор раньше них пусть запускают, — сказал он. — Пока она внутри. Только не совсем с утра. Она у меня спит.

— Согласуем.

Он помял в пальцах ветошь.

— И шланг бы новый.

Я показал блокнот.

— Записал.

Фёдор Петрович посмотрел, действительно ли записал, и только после этого кивнул.

На аллее меня обогнали двое мальчишек.

— Слона показывают! — крикнул один женщине у пруда.

Женщина поднялась со скамейки.

Лебедь, до сих пор рассчитывавший на булочку, проводил её тяжёлым взглядом.

У развилки отец с девочкой на плечах опять изучал указатель.

— Слон там, — сказал я и показал.

— А мы к обезьянам.

Я посмотрел на стрелку.

Потом на дорожку.

Из чужой памяти всплыло правильное направление.

— Тогда вам в другую сторону. Эту дорожку из-за ремонта перекрыли.

Мужчина вздохнул.

— Мы оттуда.

Я вернулся к слоновнику, попросил у рабочих обрезок доски и мел. Через пять минут у развилки стоял временный указатель.

Получилось криво.

Зато отец следующего семейства посмотрел на него и сразу свернул куда надо.

Я задержался ещё на минуту.

Потом вычеркнул из блокнота первый пункт.

От этого стало неожиданно хорошо.

* * *

Анна Сергеевна встретила меня без удивления.

Посмотрела на мокрый пиджак, на рубашку, на ботинок.

— Марта?

— Она.

Секретарь открыла шкаф.

— Полотенце на нижней полке. Чистое.

— Вы ко всему готовы?

— Нет. Но к этому готовы.

Пока я вытирал голову, она принесла плечики.

Из кабинета донёсся телефонный звонок.

Я сделал движение к двери.

Анна Сергеевна покачала головой.

— Этот не наш.

Кеша звонил ещё несколько секунд, потом обиженно щёлкнул ключом.

— Виктор Семёнович вернулся, — сказала секретарь. — Позвать?

— Минут через десять. И Веру, когда освободится.

— Совещание?

— Пока разговор. Нужен план территории. Где вода, электричество, служебные проезды. Какой есть.

Она записала.

— Ещё что-нибудь?

Я вспомнил Потапа. Вытертую дорожку у стены. Пустой бассейн.

— Старые заявки по медвежьему вольеру. И по слоновнику.

Анна Сергеевна посмотрела на меня поверх блокнота.

— Все?

— Для начала последние.

— Это разумнее.

Она ушла.

Я прикрыл дверь и сел за стол.

Кеша перебрался ближе по жерди. Яблока у него уже не было. Вместо него он держал щепку, происхождение которой мне не понравилось.

Папки на шкафу выглядели ещё немного хуже.

Я вынул из кармана блокнот. Нижний угол промок, но записи сохранились.

Указатели.

Потап — бассейн, вольер.

Марта — шум, шланг.

Проходы.

Четыре строчки. За каждой уже стоял кто-то живой.

Я открыл нижний ящик стола.

Там лежали паспорт, связка запасных ключей и коробка канцелярских скрепок.

Паспорт был бордовый, с гербом.

Я полистал его, задержался на фотографии.

Воронцов Алексей Михайлович.

Родился в 1951 году.

Чужое лицо смотрело серьёзно и немного обиженно.

Я провёл пальцем по краю страницы.

Где ты сейчас, Воронцов?

Ответа не было.

За стеной Анна Сергеевна объясняла кому-то по телефону, что директор на месте, но прямо сейчас принять не может.

Я вдруг вспомнил, как внук сказал: «За зуб».

Совершенно ясно услышал его голос.

Положил паспорт обратно и закрыл ящик.

Некоторое время просто сидел, прижав ладони к коленям.

Кеша перестал грызть щепку.

Посмотрел на меня одним глазом. Потом другим.

— Кеша хороший, — негромко сообщил он.

Я сглотнул.

— Наверное.

Попугай спустился по жерди ниже, цепляясь лапами и клювом. Остановился на своём краю стола.

Я не стал к нему тянуться.

Через открытую форточку донёсся далёкий детский крик:

— Мам, он вот такой!

Я почти увидел разведённые в стороны руки.

Потом зашуршали листья.

В дверь постучали.

На пороге стоял плотный мужчина с залысинами и потёртым кожаным портфелем. Из-под мышки у него торчал рулон бумаги.

— Вы план просили, Алексей Михайлович?

Виктор Семёнович.

Заместитель по хозяйственной части.

— Заходите.

Он развернул план на столе и прижал один край графином. Второй я придержал ладонью. Длинная территория, пруд, старые павильоны, хозяйственный двор, дальняя граница с парком культуры.

Много земли.

Много работы.

Виктор Семёнович заметил мой пиджак на плечиках.

— Марта, значит?

— Уже доложили?

— Зачем докладывать? Я вижу.

Он провёл пальцем по плану.

— Вы только сразу скажите, что затеваете. Денег у нас...

— Подождите про деньги. Что у нас с бассейном Потапа?

Заместитель вздохнул и поставил портфель на пол.

— Там разговор длинный.

— Слушаю.

Кеша прошёл по краю стола, остановился возле плана и внимательно посмотрел на нас.

Виктор Семёнович подтянул бумагу подальше от клюва.

— Начать с того, что труба идёт не там, где нарисована.

Я придвинул блокнот.

Ну вот.

С трубами хотя бы всё было по-прежнему.

Глава 2

— А где она идёт? — спросил я.

Виктор Семёнович поставил палец на план.

— Вот здесь.

— Это дорожка.

— Сейчас дорожка. Раньше клумба была.

— Трубу переложили?

— Клумбу переложили.

Я немного подумал и подвинул к себе блокнот.

— Давайте с начала.

Заместитель вздохнул с явным облегчением. Видимо, начало он знал хорошо и давно хотел кому-нибудь рассказать.

Бассейн у Потапа ремонтировали три раза.

В первый раз замазали трещину. Во второй выяснили, что вода уходит ещё и через неучтённый слив. В третий привезли цемент, разобрали часть бортика, но каменщика забрали на более важный объект.

— Какой?

— Клумбу у главного входа.

Я посмотрел на него.

— Круглую, — уточнил Виктор Семёнович.

Круглая клумба, по всей видимости, обладала свойствами, которых я пока не понимал.

— А слив?

— Там задвижка старая. До конца не закрывается.

— Новая есть?

— Если бы была, поставили бы.

— Я спрашиваю не для того, чтобы поймать вас на безделье. Мне нужно понять, что у нас есть.

Виктор Семёнович посмотрел на меня внимательнее.

До этого он отвечал привычно, чуть наискосок: ни врать, ни давать лишних обещаний ему не хотелось. Теперь подтащил стул и сел.

— Труба есть. Кусок. Задвижку искать надо. Сварщик есть у трамвайщиков, но у него сейчас...

— Подождите со сварщиком. Сам бассейн держит воду или нет?

Заместитель пожевал губу.

— Течёт.

— Где?

— Вроде в углу.

— Проверяли отдельно от слива?

Он помолчал.

Я сделал запись.

В кабинет вошла Анна Сергеевна с двумя папками.

Одну положила передо мной. Вторую — сверху.

Стол жалобно скрипнул.

— Последние заявки, — сообщила она.

— А первые где?

— В архиве.

Я приподнял верхнюю папку.

Под ней обнаружился ещё один тонкий скоросшиватель, до этого почти незаметный.
— Это что?

— То, что обещали сделать.

Виктор Семёнович отвернулся к окну.

Я раскрыл скоросшиватель.

На первом листе стояло: «К началу весенне-летнего сезона».

Ниже — подписи, сроки, фамилии.

Хороший был документ. По нему выходило, что сидим мы сейчас в образцовом учреждении.

Кеша тоже заинтересовался бумагами. Подошёл по столу, зацепил клювом угол.

Я накрыл лист ладонью.

— Нельзя.

Попугай потянул сильнее.

— Это план мероприятий.

Кеша отпустил бумагу и посмотрел на меня.

— Гнида, — негромко сказал он.

Виктор Семёнович кашлянул.

— Он ко всем так, — пояснил заместитель.

— Утешили.

Я отодвинул папку подальше от края.

— Что можем сделать сегодня?

— С бассейном?

— Сначала с ним.

— Осушить. Посмотреть слив. Мишу позвать, он знает, как там к колодцу подлезть. А дальше...

— Дальше после осмотра. Не будем пока покупать мысленно весь строительный магазин.

Заместитель кивнул.

Впервые за разговор — без вздоха.

* * *

Вера пришла вместе с главным ветеринаром.

Аркадий Моисеевич оказался высоким сутулым мужчиной в белом халате, надетом поверх клетчатой рубашки. В нагрудном кармане у него торчали очки, авторучка и что-то похожее на деревянную палочку от мороженого.

Он остановился в дверях и осмотрел меня.

— Мне сказали, вы плохо себя чувствовали.

— Уже лучше.

— Голова?

— Прошла.

— Марта помогла?

— Очень освежила.

Аркадий Моисеевич подошёл ближе, взял меня за запястье и посмотрел на часы.

Я не стал спорить.

— Спали сколько?

В чужой памяти обнаружилась чашка крепкого чая, настольная лампа и какие-то бумаги, которые Воронцов читал далеко за полночь.

— Мало.

— Заметно.

Он отпустил руку.

— Пообедайте. И если опять станет нехорошо, вызывайте человеческого врача. У меня на вас ни карты, ни подходящей клетки.

— Договорились.

Вера стояла у стола и смотрела на раскрытые заявки.

— Потапом займёмся? — спросила она.

— Уже начали. Мне нужно понять, что можно изменить до большого ремонта.

Виктор Семёнович чуть откинулся на спинку стула.

Большой ремонт ему не нравился. Это было видно даже со стороны.

— Вольер маленький, — сказала Вера. — Бетон везде. Бассейн пустой. В берлоге сыро у дальней стены. Мы писали.

— Вижу.

Я положил ладонь на папку.

— Потап сейчас здоров?

Аркадий Моисеевич снял очки с кармана, но надевать не стал.

— Если вы спрашиваете, можно ли заняться вольером, — можно. Если спрашиваете, достаточно ли ему того, что он не болен, — недостаточно.

— Я об этом и говорю.

Он внимательно посмотрел на меня, покручивая оправу в руке.

— Пока вы спрашиваете.

— Поэтому и позвал вас. Хочу сегодня дать ему занятие. Не представление для публики. Занятие для медведя.

Вера перестала теребить карандаш.

— Какое?

— Искать корм. Разбирать что-нибудь, что можно разбирать. Ветки, дерево. Но сначала вы мне скажете, что ему уже давали и как он с этим обращается.

В комнате ненадолго стало тихо.

Потом Вера придвинула свободный стул.

— Поленья давали. Он их раскалывает.

— Отлично.

— Почему отлично? — спросил Виктор Семёнович.

— Потому что медведь занят медвежьим делом.

— А поленья потом убирать.

— Потом убирать, — согласился я. — Что ещё?

Оказалось, Потап любил молодые ветки, хорошо справлялся с толстой корой и однажды полдня возился с большим пнём, который ему положили после спила дерева.

— Где пень?

— Сгнил, — сказала Вера.

— Новый?

Она развела руками.

Я посмотрел на заместителя.

— Виктор Семёнович, у нас за стеной парк. Там деревья вообще существуют?

— Существуют, — осторожно ответил он.

— Спиливают иногда?

— Спиливают.

— Значит, пень найдём. А пока что есть у нас?

Заместитель задумался.

Потом достал из внутреннего кармана маленькую записную книжку. Книжка была распухшая, с затёртыми углами и резинкой поперёк обложки.

Я сразу почувствовал к ней уважение.

В моём прошлом мире примерно так выглядел телефон хорошего заведующего хозяйством, если бы из него извлекли контакты и придали им физическую форму.

— У теплицы ствол лежит, — сказал Виктор Семёнович. — Весной сняли. Липа, кажется.

— Посмотрим, — сказала Вера.

— И ветки после обрезки ещё не вывезли.

— Свежие?

— Вчерашние.

Я закрыл скоросшиватель.

— Тогда идём смотреть.

Виктор Семёнович поглядел на мой мокрый пиджак.

— Вам бы переодеться.

— Высохнет.

Аркадий Моисеевич не сдвинулся.

— Сначала поедите.

— Я не голоден.

— Это не имеет значения.

Он произнёс это так спокойно, что я сразу понял: спорить придётся долго.

Анна Сергеевна, всё ещё стоявшая у двери, едва заметно кивнула.

Коллектив в одном вопросе уже успел объединиться.

* * *

В буфете пахло горячим тестом и супом.

За стеклом лежали пирожки. Отдельно, на тарелке с голубой каёмкой, стоял последний стакан сметаны. Его никто не покупал, но он всё равно держался с достоинством.

Заведующая буфетом Римма Михайловна увидела меня и выпрямилась.

— Алексей Михайлович?

— Пообедать можно?

— Вам?

— Желательно.

Она посмотрела на часы.

Потом в сторону кухни.

— Можно.

За столиком у окна сидели две женщины с детьми. Одна кормила мальчика супом, другая вынимала из кармана дочери камни.

Камней было много.

— Зачем тебе столько?

— Это не мне. Это домой.

Я сел за свободный стол.

Римма Михайловна принесла суп, котлету с картофельным пюре и компот. Поставила приборы. Поправила вилку.

Потом осталась стоять рядом.

Я попробовал суп.

Он оказался хорошим.

Обычным, горячим, с картошкой, капустой и мясом, которое не приходилось искать под угрозой дисциплинарного взыскания.

— Вкусно, — сказал я.

Римма Михайловна слегка отпустила плечи.

— Повар у нас хороший.

— Это чувствуется.

Она посмотрела на мою рубашку.

— А пиджак...

— Сохнет.

— Марта?

Я отложил ложку.

— У вас тут сведения быстро распространяются.

— Зоопарк.

Объяснение было исчерпывающим.

В дверях появилась молодая женщина с мальчиком лет четырёх.

— Скажите, а ему полпорции можно?

Римма Михайловна обернулась.

— Первого можно. Второго нет.

— Он целую не съест.

— Возьмите одну на двоих.

— А я тогда...

Женщина не закончила.

Мальчик прижал к животу обе ладони и посмотрел на поднос, который несли к соседнему столу.

Я подозвал заведующую.

— Римма Михайловна, а почему второго половину нельзя?

— Котлету как делить?

— Ножом?

Она посмотрела на меня без улыбки.

— По выходу порции как проводить?

Я замолчал.

Вот за это я уважал хороших работников. Они умели одним вопросом вернуть директора с высоты всеобщего счастья к ведомости.

— Понял. Сейчас ничего на ходу не меняю. Но детское питание обсудим. С вами и Лидией Павловной.

— Детское у нас есть. Каша с утра.

— А дети после утра тоже приходят.

Римма Михайловна посмотрела на мальчика.

Потом взяла с прилавка чистую тарелку.

— Садитесь, — сказала его матери. — Одну порцию на две тарелки положим. Вам побольше гарнира, ему котлету разрежем. Сами разберётесь.

Женщина благодарно кивнула.

Я вернулся к супу.

В блокноте появилась ещё одна строчка.

Ел я быстро, но не потому, что торопился. Просто молодой организм, которому я сначала не поверил, внезапно обнаружил аппетит.

Компот допил до последней капли.

Когда поднялся, Римма Михайловна уже перестала наблюдать за мной и объясняла кому-то на кухне, что лук надо привезти сегодня, потому что завтра он сам собой не вырастет.

Хорошая была женщина.

С ней определённо можно было работать.

* * *

У теплицы лежало дерево.

Настоящее, огромное, с обрубленными ветвями и светлым спилом. Я ожидал увидеть что-нибудь размером со столб, но липа оказалась толщиной почти с моё туловище.

Виктор Семёнович стоял рядом с таким видом, словно лично её вырастил.

— Вот.

Вера наклонилась, потрогала кору.

Аркадий Моисеевич обошёл ствол с другой стороны.

— Давно лежит?

— С апреля.

— Ничем не обрабатывали?

— Зачем?

— Хороший ответ. Но мне нужен точный.

Заместитель позвал работницу теплицы.

Та подтвердила: не обрабатывали. Спилили, притащили, собирались распустить на дрова. Потом решили, что на дрова жалко. Потом перестали решать.

— Кто-нибудь может отпилить часть? — спросил я.

— Может, — сказал Виктор Семёнович. — Только сегодня уже не обещаю.

— А я сегодня целое дерево медведю и не обещал. Сначала определим размер, как занести и где положить. Чтобы он себе из него лестницу не построил.

Вера подняла на меня глаза.

— Вот.

— Что?

— Я ровно это говорила, когда ему хотели старую скамейку отдать.

— Со спинкой?

— Со спинкой.

— Заботливо.

Мы договорились, какой кусок нужен, и Виктор Семёнович сделал пометку в своей книжке.

Потом я попросил показать вчерашние ветки.

Их сложили за теплицей, в тени. Вера отобрала несколько пучков, осмотрела листья и срезы. Аркадий Моисеевич забраковал часть того, что заместитель предложил взять заодно.

Никто не спорил.

Мне это понравилось.

Через десять минут рядом стояла тележка с ветками, несколькими подходящими поленьями и охапкой чистой сухой травы из запаса кормового отдела.

— Мёд есть? — спросил я.

Виктор Семёнович посмотрел на меня с новым выражением.

До этого я просил трубы, пни и людей. Всё это укладывалось в привычный порядок. Мёд означал, что начальство начинает увлекаться.

— Для медведя?

— Не для себя же я тележку собираю.

— Найдём, — сказала Вера. — Немного.

— Именно немного. И часть его обычного корма отложите. Без дополнительного праздничного обеда.

Аркадий Моисеевич наконец надел очки.

— А вы раньше с медведями работали?

Вопрос прозвучал буднично.

Я поправил на тележке торчащую ветку.

— Приходилось.

Он ждал.

Из памяти Воронцова полезли заседания, поездка с комиссией, какой-то доклад. Ничего полезного.

— Давно, — добавил я. — Сейчас хочу попробовать здесь. Под вашим наблюдением.

Аркадий Моисеевич посмотрел на меня ещё немного.

— Под наблюдением — это правильно.

И пошёл к медвежатнику.

* * *

Электрик Миша лежал возле открытого колодца.

Точнее, снаружи лежала его нижняя половина. Верхняя находилась внутри и разговаривала оттуда голосом, которому мешал кирпич.

— Фонарик ниже.

Виктор Семёнович присел рядом.

— Так?

— Мне ниже, а не вам.

Фонарик переместился.

Из колодца послышался скрежет.

Потом Миша сказал несколько слов, которые Кеше лучше было не слышать, и выбрался наружу.

Худой, черноволосый, в синей куртке с оттянутыми карманами.

В руке он держал кусок ржавого металла.

— Вот.

— Что это? — спросил я.

— Было частью задвижки.

— Теперь?

— Теперь отдельно.

Он положил находку на мешковину.

Выяснилось, что закрывалась задвижка в основном за счёт многолетней привычки считать её закрытой. Вода понемногу уходила в слив. Чтобы проверить саму чашу, слив предстояло надёжно перекрыть отдельно.

— Сегодня сделаем? — спросил я.

Миша посмотрел на заместителя.

— Если меня больше никуда не дёргать.

Виктор Семёнович отвёл глаза.

— Куда вас дёргают?

— Холодильник у Риммы. Потом лампа в каске. Потом в обезьяннике выбивает. Ещё у вас звонок...

— Мой звонок последний. В обезьяннике опасно?

— Я отключил ветку. Там сырость в коробке. Без света подсобка осталась.

— Тогда сначала закончите там. Холодильник работает?

— Работает. Гудит.

— Пусть пока гудит. Сюда вернётесь после обезьянника. Виктор Семёнович, найдите ему помощника, чтобы он один вниз головой не работал.

Миша посмотрел на меня.

Потом на тележку.

— Это кому?

— Потапу.

Электрик подошёл, потрогал полено.

— Сожрёт.

— Не успеет, — сказал заместитель. — Там ещё ветки.

Я не понял, шутит он или всерьёз, и решил не уточнять.

Со стороны вольера донёсся тяжёлый выдох.

Потап ходил.

Семь шагов.

Разворот.

Семь обратно.

Я остановился возле служебной калитки.

На расстоянии вытянутой руки от нас лежала тележка, полная запахов, коры, листьев, неровных поверхностей. Всё это находилось в зоопарке и до моего появления.

До медведя оставалось метров десять.

Иногда именно эти десять метров почему-то оказывались самыми длинными.

* * *

Служительница медвежатника, круглолицая женщина по имени Нина, встретила нашу затею настороженно.

— А вечером кто убирать будет?

— Мы поможем, — сразу сказала Вера.

Нина посмотрела на неё.

— Ты вчера тоже помогала, а потом тебя к верблюдице забрали.

— Сегодня выделим человека, — сказал я. — Не за счёт вашего обеда и не после конца смены.

Она обдумала ответ.

— Ну, тогда можно.

Потапа перевели во внутреннее помещение. Нина дважды проверила засов, Вера — запираение. Только после этого мы вошли в пустой вольер.

Вблизи он выглядел хуже.

Снаружи решётка дробила картинку, листья давали тень, а сам медведь отвлекал внимание. Здесь оставались бетон, потёртая стена и бассейн с грязноватым следом на дне.

Я присел возле дорожки, по которой ходил Потап.

Бетон был гладкий.

На повороте — почти отполированный.

Из внутреннего помещения донеслось сопение.

— Слышит, — сказала Нина. — Думает, кормить пришли.

— Частично прав.

Мы разложили ветки, выбрав места подальше от ограды. Несколько кусочков обычного корма спрятали среди них. Другую часть — под сухой травой, которую Нина ворчливо назвала будущим мусором.

Вера тонко промазала мёдом углубление на полене.

— Хватит, — сказал Аркадий Моисеевич.

Она сразу закрыла банку.

Я проверил, не оказалось ли чего-нибудь возле борта пустого бассейна, куда Потап мог бы с разбегу столкнуть тяжёлое полено.

Перенесли чуть дальше.

Всё.

Никаких чудес техники. Тележка, полчаса работы и несколько человек, которым пришлось наконец собраться в одном месте.

Когда мы вышли, я почувствовал, как по спине течёт пот.

Молодое тело было приятным приобретением, но привычку работать за столом оно, похоже, сохранило от прежнего владельца.

Нина закрыла калитку.

Проверила.

Потом посмотрела на меня.

— Выпускать?

Я кивнул.

* * *

Сначала Потап не вышел.

В дверном проёме появилась морда.

Нос шевельнулся.

Медведь застыл, втягивая воздух.

У зрительского барьера стояли человек восемь. За время нашей возни их стало больше: люди охотно наблюдают, как директор таскает ветки, даже если не знают, что он директор.

— Почему не идёт? — шепнул мальчик в клетчатой кепке.

Мать приложила палец к губам.

Потап сделал шаг.

Посмотрел на траву.

На полено.

Потом свернул на привычную дорожку.

Я стоял неподвижно.

Медведь дошёл до стены, качнул головой и повернулся.

Семь шагов обратно.

Виктор Семёнович рядом со мной переступил с ноги на ногу.

Нина сложила руки на груди.

Потап прошёл круг.

Второй.

— Может, попозже, — тихо сказала Вера.

— Может.

Это было важное «может». Нельзя было пообещать животному счастливую жизнь к двум часам и обидеться, если оно не уложилось в график.

Потап опять дошёл до поворота.

Остановился.

Нос шевельнулся.

Он повернул голову к веткам.

Я заметил, как Вера крепче сжала карандаш.

Медведь сошёл с дорожки.

Подошёл к ближайшему пучку. Долго обнюхивал, потом прижал лапой и потянул зубами.

Ветки разъехались.

На бетон выпал кусочек корма.

Потап подобрал его.

Посмотрел на оставшуюся кучу.

И сунул туда всю морду.

Мальчик в кепке тихо засмеялся.

Медведь услышал, поднял голову, пожевал. На носу у него висел лист.

Потом лист упал.

Потап перевернул пучок лапой.

— Ищет, — сказала Нина.

Без всякого удивления, почти строго.

Но руки она разжала.

Медведь обошёл ветки с другой стороны. Вынюхал ещё кусочек, вытащил его, затем добрался до травы.

Порывшись в ней, сел.

Не пошёл к стене.

Сел, поставив передние лапы между разведёнными задними, и принялся обстоятельно разбирать подстилку перед собой.

У барьера кто-то поднял фотоаппарат.

Щёлкнул затвор.

Я выдохнул.

Вера повернулась ко мне с таким лицом, словно собиралась что-то сказать, но не нашла подходящих слов.

— Записывайте, что выбрал первым, — тихо попросил я. — Сколько занимался. Что бросил. Завтра не надо просто раскладывать всё точно так же.

Она кивнула.

Карандаш наконец пригодился.

Потап добрался до полена.

Обнюхал углубление.

Лизнул.

Потом взял полено обеими лапами и подтянул к животу.

Виктор Семёнович негромко присвистнул.

— Как человек.

— Как медведь, — поправил Аркадий Моисеевич.

Заместитель спорить не стал.

Потап перевернул полено. Попробовал с другого конца. Уложил набок, прижал лапой и принялся вылизывать щель с таким усердием, будто давно подозревал дерево в хранении чего-то ценного и наконец получил доказательство.

За барьером смеялись.

Негромко, без стука по решётке.

Просто смотрели на занятого медведя.

Мальчик в кепке потянул мать за руку.

— Мам, давай ещё чуть-чуть.

Она посмотрела на часы.

Потом на Потапа.

— Давай.

Я отвернулся к бассейну.

Надо было что-нибудь сделать, иначе я бы слишком долго стоял с довольной улыбкой.

Виктор Семёнович поймал мой взгляд.

— Задвижку найду, — сказал он.

Я кивнул.

— Сначала размер уточните.

— Уточню.

* * *

Лидия Павловна ждала меня в приёмной.

Невысокая, аккуратная, с уложенными волосами и папкой, которую держала обеими руками.

По выражению лица было ясно: медведь мог радоваться сколько угодно, а документы сами себя подписывать не собирались.

— Алексей Михайлович, я с утра прошу.

— Помню. Сейчас посмотрю.

Мы прошли в кабинет.

Кеша сидел на жерди и спал, спрятав клюв в перья.

Я невольно почувствовал к нему уважение. Пока мы всем коллективом занимали медведя, он самостоятельно организовал себе дневной отдых.

Лидия Павловна разложила бумаги.

Я сел.

Первая ведомость оказалась понятной. Вторая потребовала пояснений. На третьей я попросил показать основание, и бухгалтер сразу раскрыла нужную страницу в папке.

Ничего сомнительного там не было.

Просто я не собирался ставить подпись под тем, чего не прочитал.

Постепенно лицо Лидии Павловны перестало выражать готовность к борьбе.

— Вы у Потапа были? — спросила она, когда я закончил.

— Был.

— Мне сказали, мёд брали.

Я поднял голову.

— Немного. Через кормовой отдел.

— Я не против мёда. Мне нужно, чтобы он через кормовой отдел и проходил.

— Будет проходить.

Она собрала подписанное.

Я придержал последний лист.

— И ещё. В буфете нужны детские порции. Обсудите с Риммой Михайловной, как правильно оформить. Чтобы мать могла купить ребёнку обед по его размеру.

— Это калькуляции менять.

— Значит, менять.

— Ассортимент определять.

— С неё ассортимент, с вас порядок учёта. Когда сможете принести предложение?

Лидия Павловна подумала.

— В понедельник.

— Хорошо.

Она сделала пометку.

— Только сразу предупреждаю: денег на реконструкцию буфета нет.

— Я пока котлету прошу разделить.

Бухгалтер посмотрела на меня поверх очков.

— С этого обычно начинается.

Кеша открыл один глаз.

— Цифры где?

Лидия Павловна, не оборачиваясь, прижала папку к груди.

— У меня.

И вышла.

* * *

Ближе к вечеру вернулась Вера.

Я к тому времени успел разобраться с частью бумаг, выяснить, что у Воронцова дома осталась ещё одна папка, и дважды машинально поискать в кармане телефон.

На третий раз поймал себя за руку.

Очень неприятное чувство. Как будто забыл не вещь, а ещё один способ думать.

Вера положила на стол лист.

— Сорок минут.

— Что?

— Потап занимался поленом, ветками и кормом сорок минут. Потом ушёл внутрь. Сейчас лежит.

Я прочитал её записи.

Время выхода. Что обнюхал. К чему подошёл. Сколько возился.

Почерк был быстрый, острый.

Внизу отдельно: «На обычный маршрут возвращался».

— Возвращался, — сказала Вера. — Дважды.

— За один день это не исчезнет.

— Я знаю.

Она произнесла это резко, потом вздохнула.

— Просто чтобы вы не решили, что мы всё исправили.

— Мы дали ему хороший кусок дня. Завтра дадим ещё. А дальше займёмся тем, почему остальной день у него такой.

Вера кивнула.

Я заметил на полях маленький рисунок: медвежья морда над поленом.

Она поймала мой взгляд и придвинула лист ближе ко мне, словно хотела спрятать рисунок среди записей.

— Это я пока наблюдала.

— Похоже.

— Уши великоваты.

— Ему не покажем.

Вера впервые за день улыбнулась без всякой осторожности.

В дверь заглянула Анна Сергеевна.

— Виктор Семёнович просит подойти к хозяйственным воротам.

— Что там?

— Говорит, дерево приехало.

Я посмотрел на часы.

— Уже отпилили?

— Он сказал: вы поймёте, когда увидите.

Мне сразу стало тревожно.

* * *

У хозяйственных ворот стоял грузовик.

В кузове лежали три толстых отрезка ствола, развилка, вывороченный пень и столько веток, словно соседний парк решил немного уменьшиться.

Виктор Семёнович разговаривал с водителем.

Заметив меня, махнул рукой.

— Успели до конца смены.

Я остановился у кузова.

Пень был замечательный. Массивный, с корнями, с налипшей землёй. Потап мог бы изучать его долго.

Если бы мы сумели протащить его через служебный проход.

— Это всё нам?

— Сергей Николаевич отдал. Из парка. У них после ветра два дерева снимали.

— А наша липа?

— И липа есть.

Я посмотрел на заместителя.

Он явно ждал одобрения.

— Хорошо, — сказал я. — Только в вольер пока ничего не несём. Вера с Аркадием Моисеевичем осмотрят. Потом решим, что куда и как крепить.

— Понятно.

— И Сергей Николаевич просто так отдал?

Виктор Семёнович отвёл взгляд.

— Ну, ему всё равно вывозить.

— Виктор Семёнович.

— Просил завтра зайти.
— По какому вопросу?
Заместитель потёр подбородок.
— У него тоже кое-что есть.
— Ещё дерево?
— Детская карусель.
Я медленно повернулся к нему.

— Какая карусель?
— Маленькая. Лошадки. Стоит третий год. Он говорит, у нас дети помладше, нам бы пригодилась.

За воротами гремел трамвай.
Из глубины зоопарка донёсся протяжный звериный голос. Потом другой.
Я посмотрел на пень.

На кузов.
На довольного заместителя.
— Сначала медведю воду, — сказал я.
— Конечно.
— Потом слонихе шланг.
— Уже принёс. В приёмной лежит.

Я не выдержал и улыбнулся.

Виктор Семёнович ответил осторожной улыбкой человека, который наконец понял, что его записная книжка снова кому-то нужна.

Мы отошли, чтобы рабочие могли подогнать тележку.

— А карусель что, совсем плохая? — спросил я.

Заместитель оживился.

— Посмотреть надо.

Вот теперь я узнал настоящего хозяйственника.

Ни одного лишнего обещания.

Только очень опасное «посмотреть надо».

Глава 3

Дома меня ждал фикус.

Он стоял на подоконнике, в большой кадке, и выглядел единственным существом, которое прежний Воронцов содержал без замечаний со стороны главного ветеринара. Земля была влажной, листья — чистыми. На одном поблёскивала капля.

Я потрогал её пальцем.

Потом поставил портфель на табуретку и пошёл осматривать квартиру.

Однокомнатная. Шкаф, диван, книжные полки. Ковёр над диваном. На кухне — стол с клеёнкой и два стула, хотя вторым, судя по стопке газет, давно никто не пользовался.

Память исправно подсказывала, где выключатель, как открыть заедающую форточку и почему левую конфорку лучше не трогать. Но чувства, что я пришёл домой, не возникало.

Я обнаружил в холодильнике яйца, кастрюлю с гречкой и кусок варёной колбасы. Понюхал колбасу. Подумал. Вернул обратно.

С яйцами договориться оказалось проще.

Пока они жарились, я достал обещанную папку. Она лежала на столе под газетой, ровно там, где и должна была.

Внутри нашлись документы по подготовке к лету, два письма из управления культуры и черновик докладной о состоянии зоопарка.

Я сел.

Воронцов писал убористо, с сильным нажимом. Несколько листов было перечёркнуто. На последнем, недописанном, он пытался объяснить, почему утверждённого плана недостаточно для ремонта инженерных сетей.

Я прочитал два абзаца.

Потом ещё раз.

Человек, в чьё тело я попал, видел проблемы. Нормально видел. Разобрал старые заявки, свёл суммы, отметил, что часть расходов просто переносили из года в год.

Вот только заканчивался его черновик просьбой «рассмотреть возможность оказания содействия».

Я долго смотрел на эту строчку.

Где-то в кухне зашипело масло.

Пришлось срочно возвращаться к ужину.

Яичница подгорела по краям, но середина уцелела. Я съел её прямо со сковородки, запил чаем и вымыл посуду.

На полке возле телефона стояла фотография женщины в зимнем пальто. Мать Воронцова. Жила в другом городе, звонила по воскресеньям. Память подкинула голос, запах пирогов, тесную прихожую.

Я отвёл глаза.

С этим тоже предстояло как-то жить.

До сна я успел выстирать рубашку и обнаружить в шкафу ещё три таких же. Воронцов, очевидно, считал, что однажды удачно выбранную одежду следует повторять.

Мне подходило.

На завтра я поставил будильник.

Он был круглый, металлический, с двумя колокольчиками сверху. Проверять, работает ли звонок, не стал. И без проверки было ясно, что в вопросах пробуждения эта вещь не склонна к переговорам.

Перед сном я открыл окно.

Из гастронома внизу выкатили что-то тяжёлое. Во дворе хлопнула дверь автомобиля. Две женщины обсуждали рассаду.

Дочь и внук остались там, куда я не знал дороги.

Я лежал с открытыми глазами, слушая незнакомый двор, потом перевернул подушку.

Утром нужно было прийти к Потапу.

С этой мыслью и заснул.

* * *

Будильник оказался страшнее попугая.

Кеша хотя бы сначала вдыхал.

Я вскочил, уронил с тумбочки книжку и несколько секунд искал кнопку на металлическом корпусе. Потом вспомнил, что кнопку искать не надо, и нажал на рычажок.

Тишина вернулась сразу.

За окном светило солнце.

На кухне я сварил два яйца, нарезал хлеб и посмотрел на колбасу.

Колбаса за ночь лучше не стала.

До зоопарка добрался на автобусе. Молодая женщина у окна уступила место старушке с огромной сумкой, старушка отказалась, женщина настояла. Сумку в итоге посадили, а обе стояли рядом и разговаривали.

Я вышел на своей остановке.

У ворот ещё не было посетителей. Сторож в выцветшем пиджаке открыл мне калитку и проводил взглядом.

— Рано сегодня, Алексей Михайлович.

— Хочу до открытия пройтись.

Он кивнул, словно давно ждал от меня именно этого.

Утренний зоопарк звучал иначе.

Без человеческих голосов всё было ближе: плеск на пруду, сухой стук копыт, скрежет тележки на хозяйственной дорожке. Из птичника доносился многоголосый спор, в котором ни одна сторона не собиралась уступить.

Марта уже вышла наружу.

Стояла в полосе солнца, медленно перебирала хоботом сено. За стеной слоновника рабочие снимали ограждение с законченного участка.

Фёдор Петрович заметил меня и поднял руку.

— Трубу вчера сменили. Сегодня заделывать будут.

— Шуметь ещё надо?

— Кусок остался. Договорились после обеда. Я её тогда заведу.

— Как новый шланг?

Служитель посмотрел на свёрнутую возле стены бухту.

— Длинный.

Он сказал это с такой осторожностью, будто слишком явное одобрение могло повредить резине.

Марта повернула голову.

Я благоразумно остался на дорожке.

— Сегодня без знакомства? — спросил Фёдор Петрович.

— Сначала документы подпишу. Потом можно и мокнуть.

Он усмехнулся.

У Потапа работа тоже началась.

Колодец был закрыт, рядом стояло ограждение. Миша вчера успел закончить в обезьяннике и вместе с помощником из хозяйственной бригады поставить временное перекрытие

слива. В чашу налили немного воды для проверки. Медведь оставался во внутреннем помещении и выражал по этому поводу мнение, слышное через дверь.

На стенке бассейна темнела карандашная отметка.

Под ней вода.

Ниже, чем хотелось бы.

Нина стояла рядом с Верой.

— Ушла? — спросил я.

— Немного, — ответила Вера. — До вечера понаблюдаем. Но не как раньше.

Я присел возле чаши, не заходя за ограждение. В углу, где раньше замазывали трещину, поверхность была темнее.

— Покажите каменщику. Пусть сначала разберётся с основанием. Ещё один слой сверху нам не нужен.

— Виктор Семёнович его ищет.

— Хорошо.

Потап шумно втянул воздух за дверь.

— И вас ищут, — добавила Нина. — Из парка звонили.

* * *

В приёмной пахло свежим чаем.

Анна Сергеевна поставила передо мной стакан.

— Сергей Николаевич ждёт в половине десятого. Говорит, потом у него репетиция.

— Он выступает?

— У него выступают. Разница, по его словам, небольшая.

Я заглянул в кабинет.

Кеша висел на стенке клетки вниз головой и пытался дотянуться клювом до щеколды.

Старания сопровождались негромким металлическим звоном.

— Утром закрыт?

— Уборка была. Сейчас Нина Ивановна из птичника зайдёт, выпустит.

— Он открывает?

— Эту пока нет.

Попугай замер.

Я посмотрел на него.

— Не слушай.

Он подтянулся на лапах и перебрался на жердочку с видом человека, которого напрасно заподозрили в интересе к чужой собственности.

Анна Сергеевна протянула мне листок.

— Ещё звонил Игорь Борисович. Просил в понедельник сообщить, что у нас с подготовкой к лету. Коротко.

Я посмотрел на стол, на котором вчера лежали две толстые папки.

— Сделаем коротко.

— Я так и сказала.

— А если спросит раньше?

— Скажу, готовите.

Кеша внимательно слушал.

— Алексей Михайлович занят, — сообщил он.

— Вот, — сказала Анна Сергеевна. — Хотя бы один понимает.

Я допил чай и пошёл за Виктором Семёновичем.

* * *

Сергей Николаевич встретил нас возле маленькой сцены.

На сцене две девочки в спортивных купальниках пытались развернуть ленту, третья придерживала большой картонный цветок. Женщина у магнитофона что-то объясняла им, перекрывая музыку.

— Сначала поклон! Потом уходите! Лена, цветок не между ног!

Директор парка махнул нам рукой и отступил подальше от динамика.

Крепкий мужчина лет под пятьдесят, с загорелой шеей и широким лицом. Рука при пожатии оказалась тёплой и сильной.

— Ну что, коллега. Осваиваетесь?

— С переменным успехом.

— Слышал, Марта приняла.

Виктор Семёнович отвернулся.

Я посмотрел на обоих.

— Она кому-нибудь ещё сегодня позвонила?

Сергей Николаевич рассмеялся.

— Да у нас рабочие ваши со своими обедают. К вечеру весь парк знал.

Мы пошли по боковой аллее.

Здесь было шумнее и ярче, чем в зоопарке. Над дорожкой висели флажки, у павильона ремонтировали вывеску, возле тира женщина протирала прилавок. Колесо обозрения медленно двигалось пустым. Наверху на фоне неба проплывала красная кабинка.

Я невольно прикинул расстояние от входа до касс, ширину аллеи и расположение ларьков.

Сергей Николаевич заметил мой взгляд.

— У вас звери, у нас механика. У вас кормить надо, у нас смазывать. А выслушиваем всё равно одинаковое.

— «Почему не работает»?

— «Почему платно».

За хозяйственным корпусом стоял длинный навес.

Под ним обнаружили лодки без вёсел, стопка секций ограждения и карусель.

Четыре лошадки и две небольшие повозки.

Лошадки — две белые, голубая и рыжая, с красными сёдлами и чёрными копытами. Краска местами облезла, но морды сохранили выражение благородной готовности возить детей куда угодно по кругу.

Я остановился.

Сергей Николаевич усмехнулся.

— Нравится?

— Сначала посмотрю.

— Сразу видно: наш человек.

Вблизи карусель выглядела скромнее. На платформе вздулась краска, у одной лошадки отсутствовала ручка. Кожух привода сняли и положили рядом.

Я присел, не касаясь механизма.

— Почему остановили?

— Редуктор шумел. Потом новую получили, эту убрали. Хотели восстановить, руки не дошли.

— Паспорт есть?

Сергей Николаевич глянул на Виктора Семёновича, потом на меня.

— Есть.

— Записи по ремонтам?

— Найдём.

— Вот с них и начнём.

Я встал и обошёл платформу.

В парке развлечений, которым я руководил раньше, подобная машинка затерялась бы за первым же павильоном. Здесь она могла стать важной вещью. Невысокая посадка, понятное движение, места на лошадках и в повозках. Ребёнок после живой слонихи садится на собственную лошадь, мать машет ему с дорожки, отец делает снимок.

Я уже видел и очередь, и ограждение, и скамейку для бабушки.

Потом увидел ржавчину под краем платформы.

И вернулся к настоящему.

— Что вы за неё хотите?

Сергей Николаевич развёл руками.

— Чтобы забрали. Через управление оформим передачу. У нас место занимает, у вас, может, пользу принесёт.

Виктор Семёнович слегка подался вперёд.

Я поднял ладонь.

— Документы, осмотр специалиста, стоимость восстановления. До этого никуда не везём. Заместитель снова встал ровно.

— Само собой, — сказал Сергей Николаевич.

— И перевозка с монтажом тоже в расчёт. Мне надо понять, сколько будет стоить рабочая карусель у нас на территории.

Коллега потёр щёку.

— Вы раньше по аттракционам занимались?

Я посмотрел на голубую лошадь.

Ещё один вопрос, на который хотелось ответить честно и невозможно было ответить полностью.

— Занимался разными хозяйственными вопросами.

— Видно.

Он наклонился, поднял с платформы сухой лист и отбросил в сторону.

— Другой бы уже машину искал. Бесплатно же.

— У меня медведь пока без воды. Если выбирать между ним и редуктором, редуктор подождёт.

Сергей Николаевич посмотрел на меня уже без улыбки.

Потом кивнул.

— Механик наш в понедельник будет. Подойдёте?

— Подойдём. С паспортом.

— Найду паспорт.

Мы вышли из-под навеса.

На аллее маленький мальчик тащил мать к закрытому павильону. Мать объясняла, что ещё рано. Мальчик считал, что рано — это когда он спит.

Сергей Николаевич проводил их взглядом.

— Вот такие к вашим зверям идут, — сказал он. — А потом устают. До нас уже редко добираются.

— Зато ваши спрашивают, где у нас выход.

— А где он у вас? Я в прошлом году племянника водил, через склад вышли.

— Знаю. Занимаемся.

Я посмотрел вдоль ограды, отделявшей две территории.

— Давайте начнём с указателей. У вас поставим, где вход в зоопарк. У нас — как пройти к вам. С расстоянием. Чтобы человек понимал: ещё десять минут пешком, а не неизвестность за кустами.

— Нам рисовать кто будет?

— Найду. Сначала текст и направление согласуем.

— Это можно.

Он протянул руку ещё раз.

На сцене снова включили музыку. Девочки сделали поклон, цветок накренился, но устоял.

Хорошее было утро.

Карусель я ещё не получил.

Зато и ремонтировать её за неизвестные деньги пока не обязался.

* * *

К обезьяннику я вышел со стороны пруда.

Виктор Семёнович ушёл искать каменщика. Я решил пройти через посетительские дорожки: хотелось увидеть, как работает вчерашний указатель.

Указатель работал.

Это обнаружилось сразу.

Впереди шли дед с внуком. Дед прочитал надпись, кивнул сам себе и повернул налево. Внук по дороге успел наступить на четыре трещины и перепрыгнуть пятую.

У обезьянника стояла толпа.

Слишком плотная для обычного пятничного утра.

Я услышал смех, а потом чей-то голос:

— Смотри, смотри, сейчас затянется!

Прибавил шаг.

Старый шимпанзе сидел на невысоком деревянном помосте возле решётки.

В пальцах у него белела сигарета.

Он поднёс её к губам, подержал, выпустил тонкую струйку дыма.

Толпа загудела.

Мужчина в рубашке с короткими рукавами наклонился к стоявшему рядом мальчику:

— Видал? Прямо как дядя Витя.

Шимпанзе посмотрел на него.

Потом на остальных.

Я подошёл к барьеру.

— Кто дал сигарету?

Смех стал тише.

Мужчина выпрямился.

— Да он сам просит.

В руке у него была открытая пачка.

— Я спросил, кто дал.

Он пожал плечами.

— Я. А что такого? Он тут всегда...

— Уберите пачку. И отойдите от барьера.

Мужчина посмотрел на меня с раздражением.

— Вы кто?

— Директор.

Несколько человек повернулись.

На лице мужчины появилось выражение, которое я за свою работу видел часто: лёгкое нарушение внезапно обрело неудобного свидетеля.

— Тут табличка мелкая. Я не читал.

— Теперь я сказал.

Шимпанзе тем временем снова приложил сигарету к губам. Его взгляд скользил по людям. Он явно ждал следующей порции шума.

Я обернулся к женщине в рабочем халате, вышедшей из боковой двери.

— Его можно увести?

— Федя! — позвала она. — Иди сюда.

Шимпанзе повернул голову.

Женщина показала миску из-за внутренней решётки.

Федя ещё секунду посмотрел на толпу, потом поднялся и ушёл к служебному проходу.

Сигарету унёс с собой.

Толпа разочарованно зашевелилась.

— А теперь мы чего смотреть будем? — спросил кто-то.

— Других обезьян, — ответил я. — Они сегодня не курят.

Мальчик возле мужчины с пачкой засмеялся.

Мужчина посмотрел на него, убрал сигареты и повёл к выходу.

Я дождался, пока служительница закроет переход и позовёт меня к боковой двери.

— Сигарету бросил, — сказала она. — Я убрала.

— Давно это у него?

Она вздохнула.

— Да сколько я здесь работаю. Прежние ещё приучили. Посетители. Он рукой показывает, ему суют. Мы гоняем, а попробуй за всеми уследи.

— Сегодня понаблюдаем за ним. Ветеринару сообщите.

— Уже послала.

Внутри Федя сидел на полке и жевал.

Теперь, без публики, он выглядел совсем иначе.

Тяжёлые надбровья, седоватые волоски на подбородке, внимательные глаза. Большая ладонь лежала на колене. Второй рукой он выбирал из миски еду.

Он посмотрел на меня.

Я остановился на расстоянии.

Федя прожевал, прижал два пальца ко рту и вытянул руку.

— Нет, — сказал я.

Он повторил жест.

— Тоже нет.

Служительница устало покачала головой.

— Вот так с утра до вечера. Особенно к мужчинам.

Федя перевёл взгляд на неё, затем снова на меня.

Рука опустилась.

У нас в зоопарке имелось два животных, испорченных хулиганствующими элементами.

Одно уже руководило канцелярией.

Второму досталось хуже.

* * *

Вера пришла быстро.

Выслушала, заглянула к Феде и стиснула челюсти.

— Опять.

— Часто?

— Бывает. Я просила дежурство на выходные. У нас один человек на зал и наружные клетки.

Я посмотрел на посетительскую дорожку.

Служительница из своего прохода видела лишь часть ограды. Остальное закрывал выступ здания. Перед наружным вольером барьер подходил слишком близко к решётке, а под ногами уже образовалась тропинка там, где посетители обходили его сбоку.

Табличка действительно была маленькая.

Слов «не курить» на ней не было. Там запрещалось кормить животных.

— На сегодня сюда дежурного, — сказал я. — Я поговорю с Анной Сергеевной, найдём кого направить. Проход сбоку закрыть, барьер отнести. Постоянное ограждение посмотрим с Виктором Семёновичем.

Вера кивнула.

— И табличку нормальную, — добавил я. — Про сигареты отдельно.

— Напишут, что директор запрещает курить обезьяне.

— Пусть приходят курить ко мне. Посмотрим, понравится ли им компания.

Федя негромко стукнул ладонью по полке.

Мы оба повернулись.

Он следил за разговором.

— Ему надо дать что-то взамен, — сказала Вера.

— Конечно.

— Только не сигареты из морковки.

Я посмотрел на неё.

— Было?

— Советовали.

Мы помолчали.

— Что он любит делать? — спросил я.

— Всё разбирать. Узлы. Коробки. Если достанет пуговицу, будет крутить, пока не оторвёт. Щеколды хорошо понимает.

Федя вытянул губы и тихо причмокнул.

— Вчера у Миши отвёртку пытался выпросить, — добавила служительница. — Через решётку.

— Получил?

— Нет. Миша её в карман спрятал.

Я вспомнил Кешу возле щеколды.

Похоже, интерес к хозяйственным инструментам здесь был общим.

— Начнём с простой коробки для корма, — сказал я. — Чистой, без скоб и всякого лишнего. Сложим внутрь часть того, что ему положено. Пусть открывает. Вера, с Аркадием Моисеевичем согласуйте и останьтесь посмотреть. Если начнёт есть картон, этот вариант уберём.

— Есть картон он не любит. Рвать любит.

— Значит, будет что рвать.

— Но это на пять минут.

— Найдём ему следующие пять.

Она посмотрела на меня и кивнула.

Я не рассчитывал, что коробка отменит привычку, которую годами подкрепляли сотни людей. Но оставить Федю с пустыми руками и ждать, пока он сам станет образцовым, было бы совсем уж лениво.

* * *

Анна Сергеевна выслушала меня и сняла трубку.

Через несколько минут выяснилось, что до обеда у обезьянника сможет постоять сотрудница экскурсионного отдела, а после обеда — рабочий, закончивший разгрузку.

На выходные требовалось отдельное решение.

Я записал.

— Опять Федя? — спросила секретарь, положив трубку.

— Он.

— У него и в книге жалоб было. Одна женщина написала: дети смотрят и учатся.

— Правильно написала.

— А через две страницы другая: почему не показывают, как обезьяна курит.
Я потёр лоб.

Кеша ходил по верхней перекладине своего стенда. Увидев, что я смотрю в его сторону, остановился.

— Кеша хороший.

— Сегодня ты вообще пример.

Попугай распушился.

Анна Сергеевна подала мне чистый лист.

— Для таблички?

— Да.

Я написал несколько строк, зачеркнул половину и переписал:

«Не давайте Феде сигареты и еду. Это вредит его здоровью. Его кормят сотрудники зоопарка».

Прочитал.

Ни угрозы, ни длинной лекции. Зато имя.

— Кто у нас может сделать крупно и разборчиво?

Анна Сергеевна подумала.

— Саша у фонтана. Фотограф. Он объявления себе сам рисует.

— Позовите, пожалуйста.

— Он сейчас работает.

— Тогда я к нему подойду.

Она посмотрела на лист.

— Хорошо написали. Только Федя читать не умеет.

— Зато посетители могут.

— Некоторые, — сказала Анна Сергеевна и вернулась к машинке.

* * *

Саша обнаружился у фонтана.

Высокий худой парень с ремнём фотоаппарата на шее стоял перед двумя девочками и держал в руке деревянную птицу на палочке.

— Смотрим сюда. Сейчас вылетит.

Младшая девочка немедленно присела.

— Куда?

— Никуда, — быстро сказала старшая. — Он так говорит.

Мать поправляла младшей бант. Отец за её спиной пытался принять торжественное выражение лица.

— Папу тоже берём? — спросил фотограф.

— Берём, — решила старшая.

Отец обрадовался.

Я остановился поодаль, чтобы не мешать.

Саша сделал два кадра, записал что-то на квитанции и объяснил родителям, когда будут готовы снимки. Потом опустил камеру.

— Алексей Михайлович?

— Есть минутка?

— Конечно.

Я показал лист.

Он прочитал, перестал улыбаться.

— Опять ему дали?

— Утром.

— Я вчера там снимал. Один мужчина всё просил: подожди, сейчас закурит. Я ушёл.

— А что сняли?

Саша помедлил.

— Медведя вашего. С поленом.

— Нашего, — сказал я. — Вашего тоже.

Он улыбнулся.

Из сумки появились несколько снимков в бумажном конверте.

Среди них была девочка у фонтана, пожилая пара возле пруда и Потап.

Я взял фотографию.

Медведь сидел, обхватив полено лапами. На заднем плане угадывалась решётка, но взгляд цеплялся за его морду: сосредоточенную, чуть смешную, с высунутым языком.

Хороший кадр.

Очень хороший.

— Сами проявляете?

— Дома. В ванной.

— А ещё зверей снимаете?

— Когда плёнка остаётся.

Вот это мне не понравилось.

На детей у фонтана плёнка находилась, потому что за снимки платили. На зверей — если повезёт. При этом именно звери могли сделать эти фотографии совсем другими.

Я вернул снимок.

— Табличку сможете сегодня?

— Смогу. Кисть у меня есть. Доска нужна.

— Доску получите у Виктора Семёновича. Работу оформим, договоритесь с бухгалтерией. И принести ваши снимки можете? Все, которые считаете удачными.

Он посмотрел на меня настороженно.

— Зачем?

— Хочу посмотреть. Возможно, сделаем стенд у входа. Настоящие наши животные, их имена, где найти. А дальше обсудим открытки.

Саша взял фотографию Потапа за уголки.

— Цветные?

— Начнём с тех, которые можем сделать хорошо.

Он кивнул.

Затем спросил:

— А Федю можно снять? Когда с ним будете заниматься?

— Можно. С посетительской стороны. Время скажет Вера. И если зверю это мешает, убираете аппарат.

— Понял.

Я уже собирался уходить, когда он протянул мне второй снимок.

На нём маленький мальчик в клетчатой кепке стоял у медвежьего вольера, прижавшись щекой к руке матери. Оба смотрели куда-то за край кадра.

Потап в кадр не попал.

Зато было совершенно ясно, зачем они приехали.

— Этот тоже принесите, — сказал я.

* * *

Коробку Федя открыл за несколько секунд.

Мы стояли перед наружным вольером: Вера, я, служительница и Саша с фотоаппаратом. За барьером собрались посетители, но теперь сбоку дежурила сотрудница с красной повязкой. Обойти ограждение мимо неё было затруднительно даже человеку с самым невинным лицом.

Аркадий Моисеевич уже осмотрел Федю и ушёл, велел сообщить, если что-то изменится.

Шимпанзе взял небольшую картонную коробку, покрутил, сунул палец под клапан и распахнул крышку.

Достал кусок яблока.

Съел.

Заглянул внутрь.

Остальные кусочки лежали в сложенной бумаге.

Федя вытряхнул всё на помост.

Саша щёлкнул затвором.

— Ну вот, — сказала Вера. — Я говорила.

— Подождём.

Федя взял один свёрток, понюхал, развернул. Другой разорвал. Третий сначала потряс возле уха, потом вскрыл тем же способом.

У барьера маленькая девочка прижала руки ко рту.

— Подарочки.

— Обед, — тихо поправила мать.

— Подарочный.

Федя выбрал всё съедобное, сгреб бумагу к краю помоста и снова взял коробку.

Мы смотрели.

Он просунул в неё руку по локоть, перевернул, заглянул через дно. Потом опустил на пол.

И сел сверху.

Коробка сложилась с тихим хрустом.

Мальчик возле барьера рассмеялся.

Федя посмотрел на него.

Мальчик сразу притих.

Шимпанзе поднялся, взял расплюснутый картон и старательно оторвал длинную полоску.

Потом ещё одну.

Саша снимал.

Я наблюдал за его руками.

В них было что-то настолько знакомое, что становилось не по себе: как он придерживал картон большим пальцем, как перехватывал неудобный край. При этом сила, с которой он легко разрывал плотную коробку, не оставляла никаких сомнений, что перед нами зверь.

— Пап, он на работе, — сказал мальчик.

— На какой?

— Коробки делает.

Федя тем временем сунул длинную полоску в решётчатый паз у помоста, пошевелил и вытащил.

Вера сразу наклонилась к служительнице.

— Посмотрите потом, что у него там.

Та кивнула.

Я улыбнулся.

Сегодня ему хотя бы было с чем придумать себе дело.

Через некоторое время Федя отложил картон и снова сделал жест двумя пальцами у рта.

Я остался стоять.

Служительница тоже не двинулась.

У барьера никто не засмеялся.

Шимпанзе посмотрел на нас, на посетителей, потом подобрал оставшийся бумажный свёрток. Проверил его ещё раз.

— Завтра сложнее? — спросила Вера.

— Чуть-чуть. И не всё за один раз.

— Нам нормальный ящик нужен. С выдвижными частями. Только чтобы не отломал и не поранился.

— Нарисуйте, что хотите. Посмотрим с мастером.

Она кивнула и сделала запись.

Федя оторвал от картона новую полосу.

Позади нас девочка спросила:

— Мам, а мы дома тоже так яблоко завернём?

— Завернём.

— Папе.

Отец тяжело вздохнул.

Я сделал вид, что не слышал.

* * *

К обеду у обезьянника появилась табличка.

Саша написал крупно, чёрным по светлой доске. Сверху нарисовал морду Феди. Без сигареты, без смешной шляпы, с теми самыми тяжёлыми надбровьями.

Получилось узнаваемо.

Виктор Семёнович пришёл посмотреть и заодно сообщил, что каменщик осмотрел бассейн.

— Шов вскрывать надо. Под старой замазкой крошится. Сегодня подготовит, завтра займётся. Быстро наполнить не получится.

— Пусть делает, как нужно. Задвижка?

— Нашёл, где может быть. После обеда поеду с образцом.

— Хорошо.

Он постоял возле таблички.

— А карусель в понедельник?

— В понедельник. Сначала осмотр.

— Я помню.

Мы пошли к конторе.

По дороге миновали буфет. На ступеньках мальчик ел пирожок, бережно придерживая его обеими руками. Его отец пил компот из стакана и смотрел на часы.

— Ещё к слону? — спросил мальчик.

Отец опустил руку.

— Ещё к слону.

Мне хотелось оставить их в покое.

Поэтому я просто прошёл мимо.

В приёмной Анна Сергеевна протянула мне записку.

— Из ремонтно-механического завода звонили. От профкома.

Я прочитал фамилию и телефон.

— Что хотят?

— Первого июня детей привезти. С родителями. Спрашивают, можем ли что-нибудь устроить. Экскурсию, кормление. Чтобы организованно.

Я посмотрел на календарь.

До первого июня оставалось меньше двух недель.

— Сколько человек?

— Пока сч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.